

ПРОДАНО... 12 БИЛЕТОВ

Обычно автор добивается постановки своего произведения на сцене театра. А тут наоборот: композитор вынужден снимать с репертуара свой спектакль. Почему это произошло?

Меня, композитора, не может не волновать уровень коллективного труда тех, в чьи руки отаюмо или поало мое произведение. Ведь от этого зависит судьба сочинения, отношение к нему слушателей. Тут, как в коллективном подярье, нас всех должна объединять забота, ответственность в конечном результате.

Недавно мне пришлось обратиться с просьбой к министру культуры республики о снятии балетного спектакля, поставленного на мою музыку в Молдавском театре оперы и балета, из-за крайне низкого уровня исполнения. В итоге за мной укрепилась слава скандального автора. Хотелось бы задать вопрос — долго ли еще будет продолжаться этот спор, в котором борьба за профессиональные требования выглядит чудачеством, а пренебрежение к ним находит сочувствие в различных сферах?

За 20 лет существования Молдавского государственного академического театра оперы и балета было снято с репертуара четырнадцать опер и балетов молдавских авторов из тех семнадцати, что шли в нем. Навсегда исчезли из репертуара оперы «Грозозан» Д. Гершфельда, «Героическая баллада» А. Стырчи, балеты В. Загорского «Рассвет» и «Перекресток», ряд других названий, благодаря которым наш театр был и современным, и национальным. То, что тогда-то творчество рождалось в этом театре, получало высокое общественное признание, государственные премии и что живет счастливой творческой жизнью в других театрах страны, здесь поросло травой забвения.

За те двадцать семь лет, что я работаю в Молдавии, в театре сменились четырнадцать директоров. В 1983 году, когда театру предстояло выехать с творческим отчетом в Москву, очередной директор А. Данила обратил ко мне с настоятельной просьбой восстановить мой балет «Антоний и Клеопатра». Я сделал вторую редакцию партитуры, спектакль был переработан хореографически и режиссерски. И что же?

Показав балет в Москве на сцене Большого театра опять-таки всего один раз и получив оскорбительную оценку спектакля, руководство театра с тех пор поставило его в репертуар на стационаре только дважды, да и то без репетиций. Стучилось то, что я, собственно, и ожидал, что и должно было случиться: артисты балета просто забыли хореографический текст, режиссер балета Дрижер и оркестр во время спектакля буквально читали партитуру «с листа». Действительно получилась «трагедия»... для автора и слушателей.

Артисту этих строк не хватало мужества встать перед зрителями и извиниться за это безобразие. Единственное, что я мог сделать, это потребовать у руководства Министерства культуры республики снять балет «Антоний и Клеопатра» с репертуара театра. Никого из руководителей это не встревожило. Наоборот, по-моему, вздохнули с облегчением.

А между тем балет «Антоний и Клеопатра» был поставлен в 14 театрах нашей страны, за рубежом. В Ленинградском государственном академическом Малом театре оперы и балета он идет уже около двадцати лет. Когда два года назад я закончил партитуру балета «Мастер и Маргарита» по роману М. Булгакова, написанного по заказу Министерства культуры Молдавии, у меня, естественно, уже не было желания отдавать это произведение в местный театр. Я передал партитуру в театр «Естения».

Лицо каждого театра — это прежде всего его современный репертуар. В Молдавском оперном театре репертуар практически отсутствует. А как обстоят дела с классикой? Руководство делает упор на оперы Верди, Пуччини, Беллини, Доницетти, Чайковского. Что и говорить, авторы первоклассные! Но давайте посмотрим на афишу хотя бы в мае нынешнего года. На «Аиду» в кассе продано 12 билетов, Катастрофа! Нет, оказывается, совсем не беда, что в зале пусто. Спектакль прозан «по частям», в формах абонемента обслуживания и коллективных посещений. Не лучше обстоит дело и с другими постановками этого месяца. На «Пиковую даму» продано 48 билетов, «Иоланта» — 15, «Евгения Онегина» — 17, «Виват, мастера!» — 24 билета, концерт творческой молодежи — 7 билетов, концерт мастеров — явану-не Дня Победы — не продано ни одного билета. Его отменили. А зал, между прочим, рассчитан на 1.200 мест.

Но, как говорят, нет худа без добра. Может, и хорошо, что на спектаклях нет зрителей. В спектакле «Аида» 16 мая артисты были просто «развешены» режиссером по сцене, трактовка музыкальных образов не убедительна. У многих певцов просто не хватало диапазона голоса для соответствующих партий, да и петь, мягко говоря, не те ноты. В оркестре отсутствовали строй и динамическое равновесие групп, полное пренебрежение к динамике и темпам партитуры.

Или вот еще какой удивительный случай произошел в этом сезоне. Приехал гастролер, замечательный певец и артист С. Лейферкус, солист Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Первый спектакль — «Евгения Онегина» П. Чайковского. И вот выясняется, что в театре некому петь ни Ленского, ни Ольгу. Наверное, спектакль нужно снять — тут ничего другого не придумаешь. Но вышел ядши. На сцену вышел преподаватель консерватории, который ни разу не выступал в театре вообще, тем более в роли Ленского. Так поступили и с артисткой хора, получившей партию Ольги. Что из этого получилось — надо было видеть и слышать...

И опять все промолчали, в том числе Министерство культуры, кинтики, Союз композиторов. Как говорится, обомлело.

В конце прошлого года театр выстуял премьеру оперы «Дон Карлос» Д. Верди. На афише большими буквами было напечатано имя выдающегося режиссера известного драматического театра, приглашенного в качестве художественного руководителя постановки. Но к большому нашему огорчению, мастер прибыл в Кишинев только за 7 дней до выпуска спектакля. Что можно сделать за неделю? Я искренне преклоняюсь перед талантом этого мастера, но что дело театру и зрителям столь краткое его пребывание?

В свое время Верди писал по поводу постановки «Дон Карлоса» в «Ла Скала» либретти-

сту Дю Локлю: «Конечно, тут довольно нешуточная труппа. В оркестре 100 музыкантов, а хора — 120 человек — сорос шесть басов для финального хора». Создателю оперы было где развернуться! У нас же на премьеры в штате оперного хора числился лишь один бас. О каком же качестве спектакля может идти речь? Я уже не хочу подробно останавливаться на таких «мелочах», как отсутствие в театре вокалистов, способных полноценно исполнить партии Филлипа и Эболи — главных действующих лиц оперы. Возможно, поэтому-то спектакль и не включен в гастрольную афишу нынешнего года.

Создается впечатление, что главное в жизни театра: гастроль в столице, громкие имени на афише, названия опер, которые в страхе нигде не идут. Но во имя чего? Может быть, театру непременно надо показаться столичной публике, высококвалифицированным специалистам, чтобы получить объективную оценку своего творчества? Отнюдь. Все критические оценки в печати, в протоколах устных обсуждений — все это, как говорит, возмущается легкой малой скоростью. Вперед же все те, кто спешит отравортовать «о большом успехе гастролей», «о восторгах столичной публики», «комплиментах руководящих товарищей». А заде театра снова никого и снова все тихо и спокойно.

Чтобы не быть голословным, приведу еще один пример. В газете «Московская правда» 8 июля 1983 года по следам гастролей театра в Москве писало: «Полноценными в художественном отношении спектакль, в котором режиссура, сценография, музыка, антресное исполнение слились бы воедино, прозвучали бы на той высокой ноте, которая тронула бы сердце, такой спектакль, к сожалению, трудно назвать».

Ревизия на критику была удручающей. Нам, например, открыто заявляли, что эти же критики уже всех поносили с работы. Конечно же, все было не так. Никого не снимали, никто не извинялся... У меня сохранилась стенограмма обсуждения гастролей театра в ГАБТе. В ней целый набор серьезных замечаний к труппе и показанным спектаклям.

Позволилось спросить сегодня: учтем ли эти замечания в дальнейшей работе, сделаем ли выводы? Увы, все осталось по-прежнему. У театра сегодня выкристаллизовались четыре грани, четыре стороны деятельности. Театр превратился в подобие некоей итальянской оперы (Россини, Беллини, Доницетти, Верди, Пуччини, Чилев), но без самых ценных качеств этих опер.

Первой театр напоминает астрадный коллектив: дает концерты и на стационаре, и на гастрольях с участием популярных астрадных артистов. Вот в нынешнем летом на гастрольных афишах театра в Сочи рядом с именами ведущих солистов молдавской оперы стояли имена известных астрадных исполнителей.

Руководство театра привыкло щеголять успехами по обслуживанию сельского населения. При театре много лет существует тинистенная бригада, составленная из артиста разговорного жанра, числящегося в штате солиста оперы, пенсионеров ансамбля «Жок» и других филармонических коллективов. И вот эта бригада постоянно совершает «налеты» на села: колхозы и совхозы и дает там по 2—3 концерта в день, каждый стоимостью до 500 рублей. Уровень таких «концертов», конечно же, оставляет желать лучшего. А деньги, между тем, текут в кассу театра. Вот вам еще один фокус выполнения плана.

Да, коллектив театра постоянно преирует за выполнение всех планов, в том числе и финансовых, и по количеству спектаклей и по числу зрителей. У театра почти полтора миллиона рублей государственной дотации в год, четыре выходных дня и плюс четыре свободных от спектаклей дня в месяц.

Искусство нашего театра очень дорого обходится народу. Самое, на мой взгляд, тревожное заключается в том, что коллектив свисел с таким положением. Самовосхваление, самореклама, отсутствие элементарного критического анализа характеризуют сегодня атмосферу театра.

Меня могут спросить: что же местные критики? Они по-прежнему молчат или говорят о творческих победах. Появились удобные обобщения — «не хуже других» или «есть и похуже». Раньше считалось, что авторитет надо заслужить.

Вот тут и пора задать традиционный вопрос: кто «вдохновляет» коллектив театра, поощряет его на такую работу? Не ошибусь, если еще раз назову Аурела Константиновича Данилу. В недавнем прошлом — директор театра, теперь — заместитель министра культуры республики. Как понимаю он суть работы на юном посту? Судите сами. Одним из первых практических шагов в новой роли был его платный концерт в органном зале как солист-кларнетиста, который можно назвать дебютом, так как раньше он никогда и нигде не выступал и ни в одном профессиональном оркестре республики не работал. Кроме того, заняв высокий пост, А. Данила сразу же выступает в аспирантуру Академии наук МССР с докладом «Аспирантура и ее значение как...

Или еще один штрих к портрету заместителя министра. 8 мая 1986 года на заседании тарификационной комиссии Министерства культуры республики, являясь ее председателем, он дает артистке кордебалета театра Е. Данила, своей жене, ставку солистки балета с правом исполнения ведущих партий.

Комментарии, как говорится, излишни. Настала пора объективно, критически оценивать работу каждого, опираясь при этом на профессиональное знание и умение. Пора прекратить авиасирование творческих заслуг. Необходимо возмизать за ответственностью и злоупотребления, ремесленничество и симуляцию активности творческой деятельности. К этому призывают нас сегодня решения XXVII съезда партии, открытый и прямой характер творческих дискуссий о высокой миссии искусства в жизни нашего народа.

Думаю, что в искусстве, как и на производстве, в любой работе надо постоянно подтверждать свое право на признание. Особенно это касается творческих коллективов. У театра ведь нет пенсионного возраста — его на заслуженный отдых никто не отпустит. Даже если он академический. Нельзя, чтобы подмозги сныи поросли травой. Травой забвения высшего искусства.

З. ЛАЗАРЕВ,
народный артист Молдавской ССР,
член правления Союза композиторов СССР.